

Февраль
2015

ДОКЛАД

ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ ДЛЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТОРОВ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

MINCHENKO
CONSULTING

Евгений Минченко
Кирилл Петров
Андрей Казанцев
Николай Мурашкин

За год, прошедший с выхода первого выпуска Рейтинга политических рисков стран Центральной Азии¹ (декабрь 2013 года), риски для внешних инвесторов возросли практически во всех странах региона, что отражено в итоговых цифрах рейтинга.

В 2014 году евразийский макрорегион оказался косвенно затронут войной санкций между РФ и Западом, на последствия которой наложились экономические проблемы, в первую очередь, падение цен на сырье. Экспансия проекта так называемого Исламского Государства Ирака и Леванта является потенциальным риском и для региона Центральной Азии. Геополитическая турбулентность и неблагоприятная конъюнктура на внешних сырьевых рынках негативно сказываются на инвестиционной привлекательности региона.

К началу 2015 года мы отмечаем незначительный рост рисков. Но общая тенденция неблагоприятная. Влияние негативных факторов будет только возрастать. Поэтому государствам региона необходимо выработать собственную антикризисную политику для предотвращения оттока инвестиций и стабилизации экономической ситуации. От ее успеха будет зависеть их возможность купировать негативные экономические эффекты и с выгодой для себя привлечь капиталы, убегающие из беспокойных регионов. **Опора на евразийские интеграционные структуры и беспрепятственный доступ к российскому рынку для ряда стран может оказаться решающим фактором преодоления негативных тенденций.**

1. Последствия конфликта вокруг Украины косвенно отразились на всех бывших советских республиках. Побочные эффекты санкций и контрсанкций влияют на макроэкономические перспективы центральноазиатских государств по причине взаимосвязи экономик (особенно Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана как стран, наиболее тесно экономически связанных с Россией). Правда, страны региона предприняли ряд действий по минимизации рисков в этом направлении. Так, несмотря на то, что график основных вех процесса евразийской интеграции сохранился, Казахстан не изменил своей традиционной многовекторной внешней политике. Роль Казахстана как посредника в урегулировании российско-украинского конфликта была положительно воспринята в ЕС².

2. Получили новый импульс транзитно-торговые проекты, включающие страны Центральной Азии. После центральноазиатского турне председателя КНР Си Цзиньпина, посетившего в сентябре 2013 г. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан в рамках «трубопроводной» дипломатии, началось и активное воплощение в жизнь китайского «Экономического пояса Великого Шелкового пути» (ЭПВШП), предложенного в Астане. Кроме того, определенные последствия может иметь изменение западной позиции: «оттепель» с Ираном и, напротив, «заморозка» с Россией, отразившиеся на приостановке проекта «Южный поток». Возобновились дискуссии относительно присоединения Туркменистана к «Южному газовому коридору»³ и реанимации проекта газопровода «Набукко»⁴. Разумеется, в силу строительства Трансадриатического и Трансанатолийского трубопроводов эти обсуждения рискуют

¹ Минченко Е., Казанцев А., Петров К. *Оценка политических рисков для зарубежных инвесторов в странах Центральной Азии: сравнительный анализ* - М., 2013 // http://minchenko.ru/analitika/analitika_39.html

² <http://kapital.kz/gosudarstvo/34063/kazahstan-i-evrosoyuz-pomogut-ukraine.html>

³ <http://www.rusenergy.com/ru/news/news.php?id=74287>

⁴ <http://www.naturalgaseurope.com/southern-gas-corridor-iran-nabucco>

оказаться лишь спекулятивным зондированием почвы вокруг ресурсов Ирана. Их исход, тем не менее, способен повлиять на расстановку сил в регионе.

3. В самих странах ЦА произошел или ожидается ряд событий, способных скорректировать текущий уровень политических рисков для бизнеса: мировое соглашение телекоммуникационного гиганта МТС с Узбекистаном, судебные тяжбы вокруг киргизского золотого месторождения Кумтор, смена правительства в Казахстане, формально увязанная и с задачей улучшения инвестиционной привлекательности страны, приближение предвыборного периода в Кыргызстане и Узбекистане, активное обсуждение темы состояния здоровья президента Узбекистана и перспектив сохранения политической стабильности в этой стране, президентские выборы в Узбекистане, парламентские выборы в Кыргызстане, практически неизбежные внеочередные выборы президента Казахстана.

4. Усилились риски безопасности в связи с выводом основной части войск США и их союзников по НАТО из Афганистана. Подписанное соглашение о безопасности предусматривает сохранение лишь небольшого контингента войск США. 26 октября 2014 г. американские и британские войска передали свои базы под контроль афганской армии. К 1 января 2015 г. присутствие западного контингента сократилось более чем десятикратно и будет составлять около 12 500 человек, размещенных в девяти местах дислокации. К 2016 г. число военнослужащих США сократится еще вдвое, а в 2017 г. общее американское военное присутствие сведется к нескольким сотням военных советников при посольстве в Кабуле. При этом ситуация в Афганистане после президентских выборов, которые привели к установлению фактически «двойного» правления двух основных кандидатов (Гани и Абдулло), остается весьма сложной. Несмотря на то, что в стране остается небольшой контингент американских войск, многие эксперты прогнозируют возможность осложнения ситуации.

Ключевой риск безопасности для стран региона – концентрация боевиков различных экстремистских групп, прежде всего, узбекского происхождения, связанных с ИДТ, СИД и Аль-Каедой, на северных границах Афганистана, делающая особенно уязвимыми Таджикистан и Туркменистан.

Неоднозначна также ситуация с передачей военного имущества США Узбекистану⁵, Казахстану, Таджикистану и Кыргызстану – не приведет ли это к усилению напряженности в регионе?

5. Угроза Исламского государства. Странам региона угрожает не только сам факт возникновения агрессивного Исламского государства на территории Ирака и Сирии, но и то обстоятельство, что на стороне экстремистов, согласно данным казахстанских⁶ и узбекистанских⁷ спецслужб, воюет значительное число выходцев из региона.

⁵ <http://www.regnum.ru/news/polit/1887216.html>

⁶

http://www.kursiv.kz/news/details/obshestvo/shershe_lya_fam_chno_zhenshchiny_kazakhstanana_poteryali_na_voyne_zha_islamskoe_gosudarstvo

⁷ <http://ria.ru/world/20141006/1027067431.html>

Итоговый рейтинг 2014 года
Политические риски для инвесторов в странах Центральной Азии

В итоговый рейтинг включена сумма страновых оценок по 5 ключевым макрофакторам⁸:

1. Внутренние риски устойчивости режима.
2. Внешние риски устойчивости режима.
3. Риски развития ведущей отрасли или отраслей экономики страны.
4. Степень либеральности законодательства для инвесторов.
5. Прозрачность и устойчивость правил игры для инвесторов.

Место в рейтинге	Страна	Общее число баллов 2014 год	Общее число баллов 2013 год
I	Казахстан	18	15
II	Туркменистан	33	32
III	Узбекистан	38	37
IV	Кыргызстан	39	39
V	Таджикистан	43	43

Ранжирование государств в рамках рейтинга произведено по степени возрастания политических рисков. Чем меньше итоговый балл страны, тем меньше риск вложений. Максимальному риску для инвестиций соответствует 50 баллов⁹.

⁸ Мы намеренно не включаем в анализ такой постоянный для стран ЦА и вообще всех постсоветских стран фактор как влияние кланов и неформальных групп на государственную политику, так как оно высоко во всех без исключениях странах и попытка его сравнительного количественного анализа ничего не дает в плане достижения итогового результата данного доклада.

⁹ В рамках подготовки доклада были использованы материалы, состоявшегося 16 декабря в МГИМО семинара «Перспективы комплексного развития внешней политики России на постсоветском пространстве», на котором была представлена предварительная (рабочая) версия рейтинга и получены отзывы и оценки от ряда ведущих российских специалистов по Центральной Азии. На семинаре присутствовали Гусев Леонид Юрьевич, с.н.с. Аналитического центра МГИМО, Евсеев Владимир Валерьевич, заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ, Казанцев Андрей Анатольевич, директор Аналитического центра МГИМО, Кузьмина Елена Михайловна, руководитель сектора экономического развития постсоветских стран Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, Куртов Аждар Аширович, ведущий научный сотрудник РИСИ, Никитина Юлия Александровна, доцент МГИМО, Петров Кирилл Евгеньевич, н.с. центра глобальных проблем МГИМО, Суздальцев Андрей Иванович, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Чернявский Станислав Иванович, директор центра постсоветских исследований МГИМО. Также особая благодарность за ценные консультации в ходе подготовки доклада Марату Шибутову.

1 место. Казахстан (18 пунктов из 50 возможных)

По итогам 2014 года Казахстан сохраняет позицию лучшей для инвестиций страны Центральной Азии, а возможно, и среди всех постсоветских стран. Однако за прошедший год политические риски вложений в РК несколько возросли за счет следующих факторов:

- падение цен на металлы;
- падение цен на энергоносители на мировых рынках;
- ожидания девальвации тенге, что привело к снижению кредитования реального сектора;
- небольшое снижение уровня добычи нефти;
- украинский политический кризис, резко ухудшивший отношения Запада и ближайшего союзника Казахстана - России;
- экономический спад в странах-партнерах по евразийской интеграции.

Для сохранения лидерских позиций Астаны особенно важное значение будут иметь:

- внешнеэкономическая конъюнктура (колебания цен на сырье, курсов валют, побочные эффекты санкций против РФ);
- эффективность антикризисных мер;
- стабилизация национальной валюты;
- создание единого рынка и продолжение евразийской экономической интеграции;
- успешное проведение внеочередных президентских выборов;
- успешное продолжение многовекторной внешней политики, ставшей визитной карточкой РК.

2 место. Туркменистан (33 пункта из 50 возможных)

Позитивная сторона вложений в Туркменистан – относительно низкие внутренние и внешние риски и значительные природные ресурсы. Негативная сторона – низкая степень либеральности законодательства, непрозрачность и неустойчивость правоприменительной практики, риски развития газовой отрасли в контексте усиления ориентации на Пекин и сокращения закупок газа Москвой и Тегераном, непрозрачность данных по запасам газа и нефти, а также по наличию разведанных месторождений.

В условиях заморозки отношений между Западом и Россией приостановка проекта «Южный поток» усиливает перспективы реализации трубопроводов TAPI и TANAP, однако эти проекты в любом случае не смогут повлиять на ситуацию в 2015 году. Уменьшить риски для инвесторов и повысить привлекательность Туркмении для капиталовложений в краткосрочной перспективе нескольких лет может наметившаяся «оттепель» в отношениях США и Ирана.

3 место. Узбекистан (38 пунктов из 50 возможных)

Для этой страны характерны средний уровень внешних и внутренних рисков, средняя ресурсообеспеченность. Принципиальная установка власти на нелиберальность законодательства для внешних инвесторов осталась неизменной, как и общая неустойчивость правоприменительной практики. Приближение момента передачи власти от И. Каримова повышает внутренние риски даже в случае его очередного переизбрания на пост Президента в 2015 году. Из всех граничащих с Афганистаном стран ЦА Узбекистан лучше всего подготовлен к возможному региональному кризису после вывода основного контингента сил западной коалиции из Афганистана за счет наличия сравнительно мощных вооруженных сил, источников инфраструктурного финансирования (преимущественно, стран Восточной Азии) и укрепления отношений с Туркменистаном. Тем не менее, 3 фактора влияют негативно на экономическую, а следовательно и социальную ситуацию в Узбекистане:

- снижение поступлений от трудовых мигрантов в России;
- снижение добычи природного газа с 59,1 миллиарда кубометров в 2010 году до 55,2 миллиардов кубометров в 2013 году при одновременном увеличении экспорта и снижении внутреннего потребления;
- снижение курса сума на черном рынке до 4000-4100 сумов за 1 доллар США.

4 место. Кыргызстан (39 пунктов из 50 возможных)

Республика несколько стабилизировала свое положение ввиду перспектив развития инфраструктуры за счет КНР, новых кредитов/грантов от Российской Федерации и Казахстана, прогресса по сближению с Таможенным союзом и Евразийским экономическим союзом, а также благодаря развитию энергоэкспортного проекта CASA-1000. Продолжает сохраняться высокий уровень внутренних и внешних рисков на фоне низкой ресурсообеспеченности.

Положительный эффект от наличия либерального законодательства в области ведения бизнеса нейтрализуется неустойчивостью «правил игры» и политизацией бизнес-конфликтов. Спор вокруг золоторудного месторождения Кумтор не только затянулся, но и усложнился дополнительными тяжбами. Спада напряжения вокруг прав собственности на ключевой национальный актив не следует ждать вплоть до окончания парламентских выборов 2015 года.

Внутриполитическая стабилизация могла бы серьезно продвинуть Кыргызстан в рейтинге, однако серьезных надежд на существующие в республике политические институты возлагать не следует.

5 место. Таджикистан (43 пункта из 50 возможных)

Для Таджикистана характерен наиболее высокий уровень внутренних и внешних рисков для постсоветской Центральной Азии. Некоторый импульс для развития чрезвычайно слабой инфраструктуры мог дать Китай, но программа «Великого Шелкового пути» пока находится скорее на бумаге, а отдельные адресные вложения,

например, в модернизацию «Таджикской алюминиевой компании», не могут существенно изменить ситуацию.

Низкая ресурсообеспеченность, заданная конфликтом с Узбекистаном из-за водных ресурсов, в 2014 г. была несколько уравновешена продвижением проекта CASA-1000 вопреки противодействию Ташкента. Тем не менее, экономическое законодательство остается нелиберальным, а правоприменительная практика непрозрачна и неустойчива. Экономический спад в России вызвал сокращение ремиссий таджикских мигрантов и потенциально чреват повышением уровня безработицы, а возможно и дестабилизацией политической ситуации. **Из всех стран постсоветской Центральной Азии Таджикистан наиболее уязвим как к сценарию афганской дестабилизации, так и попаданию в экономическую зависимость от Китая, что сохраняет для страны крайне высокие внешние риски.**

Причины высоких рисков

Центральная Азия остается весьма рискованным местом вложения капиталов. Среди ключевых причин можно выделить:

- 1. Наличие авторитарных режимов и непубличной политики,** подверженных как высокой коррупции, так и внезапному усилению влияния на «первое лицо» внешних игроков и отдельных внутренних группировок или кланов. Происходит постоянный пересмотр «правил игры» в интересах отдельных фракций внутри правящих кругов. Этот тип инвестиционных рисков, как по мнению ряда опрошенных нами экспертов, так и по мнению авторитетных международных и российских индексов, характерен, в основном, для Туркменистана и Узбекистана. Вхождение Казахстана в ЕЭП пока никак не сказалось на стабильности инвестиций, так как Суд Евразийского союза до сих пор не создал прецедентов эффективного разрешения конфликтов с участием внешних инвесторов;
- 2. Наличие слабых государств, находящихся на грани превращения в «несостоявшиеся государства».** При этом формально демократическая, но превращающаяся из-за нестабильности институтов власти в квазидемократическую система оказывается одним из важнейших факторов, препятствующих зарубежным инвестициям. Нестабильность институциональной среды, зачастую намеренно обостряемая конкурирующими политическими силами, является, по мнению многих экспертов, даже большим препятствием для успешных иностранных инвестиций, чем непрозрачные авторитарные режимы.

В этих условиях конфликты со стратегическими инвесторами, как правило, не случаются, если:

- А. Стратегический инвестор – государственная компания;
- Б. Правительство страны умеет и может надавить, защищая своего инвестора: это относится, например, к Китаю, США, частично – к Турции. К сожалению, Россия не всегда использует для защиты отечественных компаний все имеющиеся для этого ресурсы; более того, в условиях кризиса вокруг Украины у российского государственного аппарата сокращаются ресурсы и возможности для такой работы;
- В. Центральноазиатскую страну со страной инвестора связывает очень многое – товарный оборот, кредиты, поставки жизненно важных товаров, инвестиции и активы, военная поддержка и т.д.;
- Г. Производство слишком сложное, чтобы его могли освоить местная компания или иностранный конкурент;
- Д. Крупный инвестор имеет прямой выход на первое лицо государства.

Следует подчеркнуть, что в специфических условиях Центральной Азии **риски для инвесторов часто различаются в зависимости от страны происхождения.** В частности, центральноазиатские правительства обычно опасаются задевать интересы китайских инвесторов высокого уровня, так как осознают, что за ними стоит сильное государство, готовое защищать свой бизнес. **Это, по свидетельству опрошенных представителей**

китайского бизнеса, предполагает не столько полный иммунитет от коррупционных действий, сколько наличие пределов произвола.

Считается, что компании из КНР имеют особые условия работы ввиду сильной господдержки. Но есть и обратные примеры. Так, Казахстан ввел в июле одногодичный безвизовый режим для иностранных инвесторов из 10 стран, в числе которых были Малайзия, Южная Корея и Япония, но отсутствовала КНР. По словам представителей китайских энергокомпаний, даже получение виз в страны ЦА для них до сих пор сопряжено с волокитой и взятками, несмотря на рост китайских капиталовложений. Что интересно, неформально опрошенные представители КНР воспринимают степень коррупционности режимов ЦА обратно пропорционально их авторитарности. Такая оценка коррелирует с приведенными ниже рейтингами коррупции от TRACE International.

Однако трудно отрицать, что по сравнению с китайцами возможности всех других коммерческих иностранных игроков весьма ограничены. Хорошо защищен бизнес Великобритании, Италии, США, Франции, который может рассчитывать на поддержку своих государств и международных арбитражных судов. Слабее защищены вложения небольших европейских государств.

Российский бизнес пытается сочетать использование неформальных контактов в регионе, получаемую в отдельных случаях очень осторожную поддержку от официальной Москвы и международный арбитраж. Тем не менее, в случае возникновения серьезных конфликтов все эти меры не срабатывают. **Перспектива масштабных китайских вливаний в Центральную Азию и экономический спад в России играют на ослабление рычагов, сохраняемых (но ни разу не использованных) Москвой в плане возможного воздействия:** помощь (Кыргызстан, Таджикистан) и предоставление возможностей для трудовой миграции (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан).

Целый ряд игроков, особенно турецкие компании и компании ряда исламских стран при поддержке своих правительств пытаются налаживать в регионе сетевые контакты, основанные на элементах этнокультурной (турки в четырех странах, иранцы в Таджикистане) или культурно-религиозной общности (исмаилиты ГБАО).

Компании из Южной Кореи и Израиля пытаются использовать в своих интересах диаспоральные сети (соответственно, проживающих в регионе корейцев или евреев, а также контакты евреев-репатриантов из бывшего СССР). Эта стратегия также имеет определенные положительные результаты.

Среди второстепенных, но имеющих серьезное влияние причин высоких рисков для инвесторов, можно отметить:

1. **«Новая Большая игра».** Дополнительную сложность ситуации в ЦА придает наличие особого геополитического риска, связанного с так называемой «Новой Большой игрой», т.е. с конкуренцией великих держав (России, США, Китая, государств ЕС и др.) за влияние на Центральную Азию. В настоящее время этот риск обострился в связи с кризисом на Украине и интенсификацией соперничества России и Запада за влияние на постсоветском пространстве. По мнению многих экспертов, конкуренция великих держав позволяет коррумпированной части региональных элит произвольно отнимать собственность у инвесторов. При этом наличие альтернативных источников внешней помощи и инвестиций может использоваться в рамках многовекторных политик ряда центральноазиатских стран для шантажа внерегиональных государств, к которым пострадавшие зарубежные инвесторы могли бы обратиться для защиты.

Вместе с тем некоторые западные эксперты склонны говорить о завершении «трубопроводной» стадии Новой Большой игры ввиду того, что активная фаза переговоров по магистральным направлениям экспорта и транзита углеводородов завершена¹⁰. Выяснилось, что ресурсы Прикаспийского региона далеко не так велики, как ожидалось, а проекты, чья судьба остается неясна, немногочисленны (ТАПИ, Транскаспийский, Прикаспийский). Следующий этап «Новой большой игры» — комплексная транспортная «перепрошивка» региона (см. пункт 3 настоящего раздела). Более узкая трубопроводная тематика остается в прошлом.

2. **Уровень развития инфраструктуры для бизнеса.** Серьезный износ инфраструктуры, созданной во времена СССР, и необходимость ее ремонта или замены негативно влияют на инвестиционную привлекательность. Китайские инвестиции в развитие инфраструктуры наиболее заметны. Вопрос заключается в том, повышают ли они инвестиционную привлекательность региона в целом и отдельных стран в частности или же создают плацдарм для колонизации региона исключительно в целях КНР.

3. **Конкуренция «шелковых путей» – проектов транзитной «перепрошивки» региона.** Привлекательное расположение центральноазиатского региона между такими крупными континентальными игроками, как ЕС, Индия, Иран, КНР и Россия, долгое время нивелировалось устаревшей инфраструктурой, ее завязанностью на бывшую метрополию и недостаточными средствами для модернизации. Ответом на эту проблему со стороны внешних игроков стали проекты «Нового Шелкового пути» и «Великого Шелкового пути». Однако в настоящее время, велика вероятность конкуренции Китая, стран Запада и России за векторы евразийского транзита. Так, Москва заинтересована как в развитии собственных сухопутных и морских транзитных мощностей (в частности, Транссибирской магистрали с ее возможными ответвлениями в Казахстан и в прокладываемой магистрали Север-Юг в Иран через Кавказ), так и участии в китайских проектах – например, в 5 железнодорожных маршрутах из Китая в Германию, главным из которых является «Чунцин-Синьцзян-Европа», пролегающих через Казахстан и Россию и автомагистрали «Западная Европа-Западный Китай». В свою очередь, в западной прессе высказывались предпочтения варианту китайского транзита в обход России – при этом сценарии роль центральноазиатских стран как транспортного узла может возрасти. Также можно прогнозировать трудности во взаимодействии с китайским «Великим Шелковым путем» у Евразийского экономического союза, который начинает действовать с 1 января 2015 г. и планирует расширяться за счет Кыргызстана. В частности, в китайских правительственных газетах (Жэньминь Жибао) и устно ведущими китайскими экспертами (в частности, в ходе семинаров в Кыргызстане) высказывалась критика в адрес евразийской интеграции, которая, по мнению китайской стороны, существенно уступает по перспективности ее собственным проектам. Это потенциально конфликтное направление усилит в перспективе и без того серьезные трения вокруг неприятия Россией китайской идеи создания «зоны свободной торговли» в ШОС в качестве альтернативы евразийской интеграции. Предстоит определить и модус взаимодействия китайского проекта с американским проектом «Нового Шелкового пути», призванного, в основном, развивать связи Центральной Азии с Южной Азией в контексте стабилизации Афганистана. Другая потенциально конфликтная точка - согласование нового китайского плана с европейским проектом ТРАСЕКА, также именуемым неформально «Шелковый путь».

---

¹⁰ <http://www.ourenergypolicy.org/wp-content/uploads/2013/08/Central-Asia-policy.pdf>

4. **Межстрановые конфликты** могут сильно влиять на инвесторов – к примеру, транспортная или энергетическая блокада Узбекистаном Таджикистана (которая частично сохраняется, хотя и наблюдаются некоторые позитивные подвижки, например, восстановление авиасообщения), а также Кыргызстана (угроза не очень высока) может привести иностранных инвесторов к огромным убыткам.

Краткосрочные причины усиления рисков:

1. **Новый виток избирательного цикла и вопрос передачи власти.** Очередные президентские выборы в крупнейших странах региона – Узбекистане и Казахстане – ожидаются, соответственно, в марте 2015 г. и в декабре 2016 г. Однако в Казахстане они, по всей видимости, будут досрочными. В Кыргызстане в 2015 г. планируются выборы в республиканский парламент – Жогорку Кенеш, причем карта иностранных инвесторов (особенно, Кумтора) активно разыгрывается в предвыборной кампании. Возможное обострение внутриэлитных конфликтов в предвыборный и переходный период обладает серьезным дестабилизационным потенциалом, так как результат выборов в подобных политических системах устойчиво рассматривается как легитимный повод для перераспределения собственности и/или ренты.
2. **Эхо санкций в отношении России и российских контрсанкций: стресс-тест для рентного пирога.** Санкции, введенные Западом в связи с позицией Москвы в украинском конфликте, косвенно ударили и по странам Центральной Азии сразу в нескольких областях, параллельно совпав с другими отрицательными международными трендами. По оценкам МВФ, потери стран региона в результате побочных эффектов санкций составят 1-1,5% роста ВВП, снизив последний с 7 до 5,5%.¹¹

Негативные последствия для инвестиций могут быть различными. Возврат массы трудовых мигрантов, особенно, из России, может снизить политическую стабильность, так как в центральноазиатских странах эти люди работы не найдут. Соответственно, они – потенциальные рекруты для «Исламского государства» и других экстремистских структур. В контексте неопатримониальных клиентелистских режимов¹² Центральной Азии сокращение размеров распределяемой среди элит ренты может также обострить межклановое соперничество. Заинтересованность элит в дополнительном притоке капитала возросла, повышенная напряженность борьбы за контроль над активами усложняет и без того слабое соблюдение прав собственности.

¹¹ Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia:
<http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2014/mcd/eng/mreo1014.htm>

¹² Неопатримониализм – это система общественной иерархии, при которой ресурсы страны напрямую используются правящим режимом для обеспечения верности клиентелы как среди политических вассалов, так и у населения в целом.

Положение Казахстана

В целом, **Казахстан остается региональным лидером по инвестициям.** Риски вложения в другие страны Центральной Азии серьезно превышают риски вложений в Казахстан. Даже находящийся на втором месте Туркменистан имеет почти в два раза большие риски инвестиций.

Казахстан остается для других стран Центральной Азии и ориентиром в плане обеспечения благоприятной среды для внешних инвесторов. Причиной этого, по мнению большинства экспертов, кроме значительных запасов природных ресурсов (нефти, урана, металлов), является либеральное (в региональном сравнении) законодательство и достаточно эффективная (опять-таки, в масштабе региона) система управления.

Однако вызовы, стоящие перед Казахстаном, усиливаются, а разрыв с конкурентами, по мнению составителей международных рейтингов, сокращается. Прошедший год принес казахскому инвестклимату целый «букет» испытаний: «пробуксовка» Кашагана, ослабление внешнеторговых позиций из-за снижения нефтяных цен, снижение темпов экономического роста, повышение инфляции, побочные эффекты западных санкций против России и контрсанкций Кремля. Тем не менее, альтернативой большей открытости для глобальной экономики была бы зарегулированность, еще более препятствующая гармоничному социально-экономическому развитию, наблюдаемая у других центральноазиатских государств.

Главным козырем Астаны в этой ситуации остается проведение эффективной многовекторной внешней политики. В условиях серьезнейшего ухудшения отношений между Россией и Западом, с одной стороны, и значительного усиления позиций Китая в Центральной Азии, с другой, Казахстан продолжил успешно балансировать между интересами великих держав, с которыми связаны ключевые коммерческие инвесторы. В отличие от ряда других государств региона, многовекторность в казахстанской внешней политике представляет собой способ согласования интересов влиятельных в регионе внешних игроков. Казахстан находит между ними точки пересечения, а не использует в своих интересах их конфликты. В этом плане либеральные «правила игры» в инвестиционной сфере представляют собой естественное дополнение многовекторной внешней политики. Они позволяют создать эффективную систему баланса интересов между основными внешними коммерческими инвесторами внутри страны точно так же, как многовекторная внешняя политика позволяет создать систему баланса интересов между основными внешними игроками (Россия, Китай, страны ЕС, США и др.). В условиях кризиса в отношениях России и Запада для этой политики появились определенные вызовы, но альтернативы ей пока нет.

Вопреки первым отрицательным побочным эффектам, **Казахстан пока остается активным сторонником Таможенного союза и лидером в рамках создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС).** При этом в 2014 г. Астана параллельно достигла значительного прогресса по вступлению в ВТО, которое может ожидать в ближайший календарный год, и заключила соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом. Наконец, **в китайских проектах «Великого Шелкового пути» Казахстан – главный бенефициар среди стран ЦА** ввиду его относительно меньшей зависимости от КНР и одновременно важности (в частности, СЭЗ «Хоргос» и новые железные дороги) как транспортного звена. **В долгосрочном плане такой подход**

является одним из ключевых инструментов создания еще более благоприятной среды для роста внешних инвестиций. В политике Астаны развитие евразийской интеграции выступает как органическая часть курса на открытость мировым рынкам. Процесс евразийской интеграции, в том числе благодаря членству и политике Казахстана, открыт для сотрудничества с динамично развивающимся Азиатско-тихоокеанским регионом. Сотрудничество с европейскими инвесторами сохраняет хорошие перспективы ввиду наличия общей границы у Таможенного союза с ЕС, однако в краткосрочной перспективе оно может быть сильно омрачено российско-европейскими торговыми войнами.

**Внутренние риски устойчивости режимов стран Центральной Азии,
 где 10 - максимальный риск (образование «несостоявшегося государства»)**

Страна	Оценка рисков 2014	Оценка рисков 2013
Казахстан	4	3
Туркменистан	4	4
Узбекистан	8	7
Таджикистан	9	8
Кыргызстан	9	9

Как видно из оценок, Казахстан остается одной из наиболее стабильных стран региона с точки зрения внутренних рисков, однако политическая динамика последнего года несколько ухудшила его рейтинг. По сравнению с другими центральноазиатскими странами в Казахстане установился устойчивый баланс между различными внутриэлитными группами, выделяемыми, прежде всего, по финансово-промышленным группировкам, к которым они принадлежат. В этом плане Казахстану удалось дальше других центральноазиатских государств пройти по пути политической модернизации и уйти от традиционной структуры племенного (как в Туркменистане) или регионального (как в Узбекистане и Таджикистане) баланса. Однако внутренние риски даже в случае с этой страной ненулевые.

Смена правительства под эгидой улучшения инвестклимата и возвращение на премьерский пост Карима Масимова весной 2014 г, с одной стороны, показали укрепление позиций последнего и подготовку к возможному «переходному периоду» (внеочередные выборы президента Казахстана состоятся в 2015 году), а с другой стороны, подтвердили, что у Назарбаева короткая скамья кадровых запасных. Летом 2014 года произошло укрупнение министерств и рокировка кураторов ТЭКа: главой нового министерства энергетики был назначен считающийся близким к Москве Владимир Школьник, а руководителем Казатомпрома вместо него стал Нурлан Каппаров. В целом, некоторое повышение оценки риска для Казахстана напрямую связано с усилением сомнений большинства экспертов по поводу эффективности предстоящей передачи власти.

По отношению к украинскому конфликту президент Казахстана занял максимально осторожную позицию, стремясь, с одной стороны, сохранить связи с Москвой, а с другой, не испортить отношения с Киевом и Западом, не говоря уже об опасениях повторения крымского / новороссийского сценария на севере Казахстана. Так, договор о создании Евразийского экономического союза был подписан в Астане в разгар российско-украинских противоречий, однако Казахстан не поддержал ограничения Москвы на импорт украинской продукции и очень осторожно голосовал в ООН по «украинскому вопросу».¹³

Кроме того, Казахстан в отличие от других стран региона активно продвигает крупномасштабные проекты международного масштаба, одновременно стимулирующие развитие инфраструктуры и направленные на улучшение имиджа страны, что косвенно способствует внутренней устойчивости правящего режима. В их числе стоит упомянуть Зимние Азиатские игры-2011, Экспо-2017, Зимнюю Универсиаду-2017 и высокие шансы

¹³ <http://risk.kz/12585>

на проведение Зимней Олимпиады 2022: единственным соперником Алматы является Пекин, принимавший летние Игры в 2008 г.

Также к политическим рискам для Казахстана можно отнести:

- рост социального недовольства и забастовок. В некоторых случаях они подогреваются местными властями через подконтрольные НПО (чаще всего экологические), чтобы увеличить социальные выплаты со стороны инвесторов. Но в настоящее время они связаны с проблемами предприятий из-за плохой конъюнктуры на внешних рынках;
- рост противоречий между региональными и республиканскими элитами в борьбе за контроль над нелегальными и легальными финансовыми потоками. Инвестор, работая с одними, может попасть под «прессинг» других, особенно, в условиях неопределенности с передачей верховной власти;
- наличие большого количества условно безработного населения (самозанятых), что является благодатной потенциальной почвой для экстремизма.

Туркмения также достаточно устойчива к внутривнутриполитическим рискам после консолидации всей полноты власти Г. Бердымухамедовым, который, к тому же, в отличие от многих других президентов стран региона, достаточно молод (1957 г. рождения). Консолидации власти способствуют:

- наличие у государства больших доходов от углеводородов, увеличившихся благодаря диверсификации путей транспортировки природного газа (прокладка китайского газопровода);
- традиционное отсутствие в Туркмении культурной среды, благоприятной для роста исламизма;
- почти полное уничтожение или изгнание старых элит во времена Сапармурата Туркменбаши;
- некоторая либерализация, убравшая наиболее одиозные проявления крайнего авторитаризма и культа личности времен Туркменбаши;
- наиболее социально пассивное население в регионе;
- активное «продвижение» Бердымухамедовым собственного племени (текинцев из Ахала) в качестве базы поддержки политического режима.

В связи с тем, что все указанные факторы продолжают действовать, наша оценка рисков Туркменистана не изменилась по сравнению с прошлой годней.

Узбекистан – первый на очереди перемены власти. В ближайшие полгода в республике пройдут президентские выборы, недавно состоялись парламентские выборы. Предвыборный период проходит на фоне продолжающегося внутриэлитного политического кризиса. Он связан с ожиданиями неизбежной передачи власти бессменным и несомненно сильным лидером - президентом страны И. Каримовым (1938 г. рождения), состояние здоровья которого вызывает у наблюдателей серьезные опасения.

Год назад разгорелся публичный конфликт между дочерью президента Г. Каримовой и главой органов госбезопасности Узбекистана Р. Иноятовым. Вокруг изначальных причин кризиса сложилось три основных теории: элитные группы активно готовятся к разделу наследства 75-летнего президента; эмоциональный порыв И. Каримова, который узнал о скандальной деятельности его дочери за рубежом; кризис

является мистификацией президента и его дочери с целью выявить «неблагонадежные элементы»¹⁴. В 2014 г. по поводу конфликта высказался и сын Г. Каримовой Ислам, заявив, что президента и его дочь стравливают. Кроме того, возникшие в Узбекистане проблемы у компании «Евроцемент» расцениваются некоторыми экспертами как часть продолжающейся атаки на Г. Каримову¹⁵. В случае подтверждения эта гипотеза может стать наглядной иллюстрацией зависимости иностранных инвесторов от внутривнутриполитической конъюнктуры.

В преддверии выборов через парламент были внесены поправки в конституцию, согласно которым часть полномочий президента передавалась премьер-министру, правительству и парламенту. По мнению экспертов, эти изменения дополнительно свидетельствуют о том, что Каримов готов передать власть преемнику¹⁶, хотя кандидатура последнего до сих пор неизвестна: помимо упомянутого Р. Иноятова (1944 г.р.), среди номинантов продолжают называть Шавката Мирзиёева, Рустама Азимова и их выдвиженцев.

К тому же, в Узбекистане существуют и другие серьезные риски:

- исламский экстремизм – деятельность Исламского движения Туркестана, Союза Исламского Джихада и других структур, взаимодействующих как с талибами («Имам Бухори Джамаат»)¹⁷, так и с Исламским государством Ирака и Леванта «ИГИЛ» (ИДУ);
- противоречия между региональными кланами в отсутствие безоговорочного лидерства одного из них, которые могут особенно обостриться в случае отхода от власти сильного лидера;
- наличие серьезных проблем, связанных с перенаселенностью, особенно, в подверженной угрозе религиозного экстремизма Ферганской долине;
- ухудшение экономической ситуации в стране из-за сокращения добычи газа и его внутреннего потребления, девальвации национальной валюты;
- недостаток воды, особенно в Каракалпакии и т.п.

В свете вышеперечисленных обостряющих факторов наша оценка внутренних рисков Узбекистана ухудшилась на одну позицию.

В Таджикистане президенту Э. Рахмону в период после окончания гражданской войны удалось несколько стабилизировать ситуацию. Ценой стала концентрация рычагов контроля и управления сначала в руках кулябского клана, а затем – в руках лично президента и его ближайших родственников и доверенных лиц. Благоприятными факторами для концентрации власти стали достаточно молодой возраст президента (он 1952 г. рождения) и наличие у него большой семьи, что облегчило установление «семейного контроля» над страной. Пока центральному правительству удастся силой контролировать ситуацию на всей территории.

Однако у Таджикистана есть серьезнейшие внутренние проблемы:

- очень тяжелая экономическая ситуация – до 50% ВВП страны создается за счет ремиссий трудовых мигрантов из России (первое место в мире по доле ремиссий в

¹⁴http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/11/14/keeping_up_with_the_karimovs_gulnara_uzbekistan_goo_gooosh_a#sthash.r3t1APWo.dpbs

¹⁵ <http://russian.eurasianet.org/node/60936>

¹⁶ <http://rusplt.ru/world/operatsiya-preemnik-pouzbejski-8956.html>

¹⁷ <http://rus.azattyq.org/content/uzbekskaya-gruppirovka-v-sirii-prisyaga-talibam/26689653.html>

ВВП), тогда как ремиссии снижаются ввиду экономического спада в РФ и возрастающей стоимости легализации;

- высокая доля транзитной наркоторговли в экономике ведет к росту организованной преступности и коррупции;
- противоречия между региональными «кланами», унаследованные с периода гражданской войны, периодически выражаются в боестолкновениях (например, в Горном Бадахшане в 2012 г.), и т.п.

В дополнение к этому внешние риски, особенно, «афганский» (см. ниже) серьезно усиливают внутренние. Единственное, что стабилизирует Таджикистан, кроме помощи внешних игроков, особенно России и Китая, – наличие угрозы со стороны Узбекистана и очень сильная боязнь, как среди народа, так и среди элиты, повторения гражданской войны, что останавливает всех от резких шагов по отношению к друг к другу. **Наша общая оценка внутренних рисков ухудшилась на одну позицию в связи с тем, что Таджикистан из всех стран региона наиболее сильно подвержен эху постсанкционного экономического спада в России ввиду сокращения ремиссий от мигрантов. Кроме того, этот риск, в отличие от Кыргызстана, не был смягчен улучшением перспектив дополнительной поддержки в рамках евразийской интеграции.**

По поводу Кыргызстана, как показывают приведенные в приложении №1 к настоящему докладу международные и российские рейтинги, сложился консенсус экспертов в плане представления об очевидной – на грани перехода в статус «несостоявшегося государства» – слабости его государственности. Последняя особенно расшаталась в результате двух последовательных революций (2005 и 2010 гг.).

В дополнение к этому можно выделить следующие риски:

- разрыв страны на северную и южную часть с устойчивым противостоянием элит и слабым контролем центрального правительства над югом республики (особенно, г. Ош);
- межнациональное напряжение между киргизами и узбеками, проявившееся в конфликте в Оше во время последней революции;
- межнациональное напряжение между киргизами и населением таджикских анклавов Кыргызстана;
- надвигающиеся парламентские выборы 2015 г., во время которых ожидается разыгрывание карты национализации и пересмотра политики по отношению к иностранным инвесторам;
- тяжелое экономическое положение, так как по доле ремиссий от трудовых мигрантов в ВВП страна – один из лидеров в мире, а их размер сокращается, хотя перспективы евразийской интеграции Кыргызстана смягчают этот риск;
- слабость правоохранительных органов;
- крайне сильное влияние криминала на местах;
- падение торговли на Дордое и других оптовых рынках из-за политики Таможенного союза;
- постоянные проблемы в энергетике, которые могут привести к масштабному энергетическому кризису;

- наличие серьезной базы для роста коррупции и организованной преступности (очень важную роль в экономике играет контрабанда и реэкспорт китайских товаров, транзитная наркоторговля), и т.д.

Внутренние риски для Кыргызстана серьезно усиливаются внешними - по сходной с Таджикистаном модели. В связи с сохранением вышеуказанных факторов наша оценка внутренних киргизских рисков остается близкой к максимальной.

**Внешние риски устойчивости режимов стран Центральной Азии,
где 10 - максимальный риск**

Страна	Оценка рисков 2014	2013
Казахстан	4	3
Туркменистан	6	5
Узбекистан	7	6
Кыргызстан	8	7
Таджикистан	9	9

Основные внешние риски, общие для всех стран региона возросли за последний год, по нашему мнению, что напрямую отразилось на оценках:

- тяжелая ситуация в соседнем Афганистане обостряется фактором базирования в этой стране центральноазиатских исламских экстремистов, произошедшем в декабре 2014 г. сокращением западного военного контингента, транзитной наркоторговлей по «северному маршруту» и активизацией деятельности «Исламского государства Ирака и Леванта», поддержку которому объявили пакистанские талибы;
- усиливается «китайский крен», а значит, возникает проблема компенсации растущей зависимости от КНР;
- затрудненность многовекторной внешней политики в условиях конфронтации между Россией и Западом вокруг Украины, опасений Астаны по поводу повторения крымского / новороссийского сценария в Северном и Восточном Казахстане;
- внутрирегиональные конфликты, например, из-за водных проблем;
- непрозрачность условий и объемов передачи вооружений от США;
- противоречия великих держав, борющихся за влияние в регионе («Новая Большая игра», проекты «Шелковых путей»).

Однако все эти риски проявляются для конкретных стран в разной мере.

Для Казахстана они смягчаются следующими факторами:

- страна далеко расположена от Афганистана, а проблема исламского экстремизма в ней традиционно менее остра, чем в других странах ЦА;
- сохраняются гарантии безопасности, данные Россией в рамках ОДКБ и рядом других великих держав в обмен на отказ от ядерного оружия;
- эффективная многовекторная политика до сих пор позволяла балансировать между великими державами, избегая конфликтов с ними;

безопасности – в частности, совместная охрана туркменских газовых месторождений, ориентированных на Китай. Такое партнерство возможно ввиду угрозы нападения на газодобывающие объекты со стороны боевиков, связанных с талибами и базирующихся в приграничных афганских районах²⁴. При этом сценарии под вопросом будет и ценность туркменского нейтралитета.

В случае Узбекистана есть большой потенциал усиления внутренних рисков (в частности, исламского экстремизма) внешними (соседством с Афганистаном). Есть также конфликты, в том числе, территориальные, с вышележащими по течению рек странами (особенно Таджикистаном) и возможность втягивания в межэтнические трения с соседним Кыргызстаном. Эти риски смягчаются наличием сильной (по сравнению с соседями) армии, большими людскими ресурсами и стратегически важным расположением в центре региона. Кроме того, Ташкент боится, поддерживая хорошие отношения с Астаной и Ашхабадом. Внешние риски для Узбекистана могли быть и выше, но по отношению к режиму И. Каримова, ставшему одним из главных партнеров процесса вывода войск из Афганистана и переброски грузов, сохраняется терпимая позиция США. Тем не менее, общественное мнение западных стран постепенно будет подталкивать Вашингтон и Брюссель к более жесткой позиции даже в отношении узбекского режима.²⁵ Это может вылиться в возрастание зависимости Ташкента от западных источников капитала, особенно из Китая и Южной Кореи.

Среди специфических внешних рисков Кыргызстана можно упомянуть:

- косвенное влияние конфликта в Афганистане и возможность повторения вторжения экстремистских групп (по образцу «Баткенской войны» 1999 г.);
- трения с Узбекистаном;
- геополитическую разделенность страны на две слабо связанные части;
- самую высокую в регионе зависимость от внешней помощи со стороны конкурирующих за влияние великих держав.

За 2014 г. Кыргызстан частично смягчил свои внешние риски, приблизившись к вступлению в Таможенный и Евразийский союзы и таким образом укрепив отношения с Москвой и Астаной. Вместе с тем курс на евразийскую интеграцию может обернуться для Кыргызстана ухудшением отношений с соседями по Ферганской долине: Узбекистаном и Таджикистаном²⁶.

Внешние риски максимальны для Таджикистана, и ситуация не изменилась к лучшему за прошедший год. Так, 1990-е гг. показали, что столкновения с территории Афганистана легко переносятся на территорию Таджикистана. Бои с талибами недавно затрагивали афганскую провинцию Бадахшан, соседнюю с одноименной и весьма проблемной с точки зрения контроля центральных властей территорией Таджикистана. К тому же у Таджикистана продолжается ожесточенный конфликт с соседним Узбекистаном – прежде всего из-за строительства Рогунской ГЭС. В этом конфликте Таджикистан

²⁴ <http://rusplt.ru/world/turkmenskaya-oborona-11761.html>

²⁵ http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/11/14/keeping_up_with_the_karimovs_gulnara_uzbekistan_gogoosh_a#sthash.r3t1APWo.dpbs

²⁶ <https://iwpr.net/global-voices/bishkek-turns-face-moscow>

чрезвычайно уязвим. В обоих случаях фатальные для политического режима последствия могут быть смягчены лишь российским военным присутствием и военной помощью.

Надо также заметить, что начало проекта CASA-1000 для Кыргызстана и Таджикистана означает неминуемое жесткое противостояние с Узбекистаном, к которому возможно присоединятся Туркменистан и Казахстан, так как строительство водохранилищ поставит под угрозу, как минимум, сельское хозяйство этих стран. Как заявлял в 2012 году Ислам Каримов во время визита в Казахстан, такая политика может привести к войне²⁷.

Риски развития ведущей отрасли (драйвера) или отраслей экономики стран Центральной Азии, где – 10 максимальный риск/минимальный потенциал

Во всех центральноазиатских экономиках сохраняется отчетливо сырьевой или, при отсутствии перспективного экспортного природного сырья, даже аграрный характер. Попытки индустриализации в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане пока не привели к серьезному изменению структуры экономики. Таким образом, фактически мы оцениваем прежде всего ресурсную обеспеченность страны - и/или возможность использовать этот ресурс в нынешней ситуации. Например, Таджикистан и, в меньшей степени, Кыргызстан, обладают существенными водно-энергетическими ресурсами, но из-за конфликта с Узбекистаном²⁸ и другими нижележащими странами возможность их использования, особенно Таджикистаном, весьма ограничена. У ряда стран, хорошо обеспеченных углеводородными и горнорудными ресурсами, можно выделить однозначно лидирующую по роли в экономике отрасль. У других при низкой ресурсной обеспеченности таких отраслей выделено несколько (при этом риск оценивается по всем отраслям комплексно).

За последний год, как было описано в разделе, посвященном причинам высоких рисков, на нефтяной отрасли стран региона отрицательно сказались существенное снижение цен на нефть в III-IV кварталах 2014 г., а также девальвация тенге, несколько ухудшившая кредитоспособность казахстанских заемщиков и положение зависящих от них компаний ЦА. Некоторые западные банки закрыли свои кредитные линии в отношении Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана из соображений перестраховки. Кроме того, прецедент выплаты банком «БНП Париба» рекордного штрафа в \$8,9 млрд. за нарушение санкционного режима США способствовал укреплению консервативной оценки политических рисков в странах с авторитарными режимами, даже не попадающих под фактические санкции. Заемщики опасаются недостаточной прозрачности условий ведения бизнеса в отдельных странах СНГ, где конечными бенефициарами финансирования могут оказаться лица, необязательно являющиеся гражданами страны расположения заемщика, но подпадающие под санкции Евросоюза и США, связанные с российско-украинским конфликтом.

Вместе с тем, ценовые колебания, особенно в случае Казахстана, были уравновешены несколькими положительными факторами. Последние включают в себя сохраняющийся оптимизм внешних кредиторов в отношении казахских контрагентов, китайские многомиллиардные контракты, заключенные в результате прошлогоднего

²⁷ <http://news.ivist.kz/19743517-islam-karimov-v-regione-mozhet-nachatsya-voyna>

²⁸ Недавние примеры противодействия со стороны Узбекистана включают в себя международную экологическую кампанию против Таджикского алюминиевого завода и оспаривание проекта экспорта электроэнергетики CASA-1000 во Всемирном Банке.

осеннего турне председателя КНР Си Цзиньпина по региону²⁹ и последовавшие в 2014 г. заявления Пекина о крупномасштабных финансовых вливаниях в инфраструктурные мегапроекты, затрагивающие регион. Несмотря на возможное ухудшение странового рейтинга Казахстана международными рейтинговыми агентствами, такие ключевые компании страны, как Казмунайгаз и Казахмыс, успешно привлекли облигационное и кредитное финансирование на международных рынках капитала в 2014 г. Контракты с Китаем были подписаны на постройку трубопроводов, география которых теперь охватит все пять стран ЦА, и на поставку углеводородов в КНР. Кроме того, в 2013 г. китайская компания CNPC вошла в капитал освоения Кашаганского нефтяного месторождения, приобретя долю в 8,3% у Казмунайгаза (в свою очередь, приобретенную у ConocoPhillips). Регион ожидает китайских финансовых вложений в рамках «Экономического пояса Великого Шелкового пути» (\$40 млрд., из которых, как минимум, \$16,3 млрд. придется на Центральную Азию) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (куда КНР готов вложить \$50 млрд.). Инфраструктурная и коммуникационная «перепрошивка» ЦА за счет западных (АБР, ЦАРЭС) и китайских проектов Великого Шелкового пути повысит торговый потенциал региона и создаст дополнительные стимулы для развития второстепенных пока что отраслей промышленности. Кроме того, ожидается вливание в Казахстан средств Всемирного банка в размере около \$6 млрд. за 2015-2017 годы³⁰, а также от Европейского инвестиционного банка.

Отдельно стоит отметить недавнее достижение договоренностей по финансированию проекта CASA-1000 – экспорту киргизской и таджикской электроэнергии в Афганистан и Пакистан. Чуть менее 50% затрат проекта общей стоимостью в \$1,17 млрд. взял на себя Всемирный Банк, а недостающую сумму пообещал покрыть Исламский банк развития (ИБР)³¹. Таким образом, соответствующие отрасли Киргизии и Таджикистана получили поддержку вопреки противодействию Ташкента³².

Таким образом, повышение рисков Казахстана и Туркменистана вызвано ухудшением внешнеэкономической ситуации и смягчено вышеуказанными оптимистическими факторами. Привлечение дополнительных иностранных источников финансирования и новых проектов от зарубежных инвесторов отражено в смягчении рисков Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

---

²⁹ <http://www.russia-direct.org/analysis/china-russia-and-new-great-game-central-asia>

³⁰ <http://khabar.kz/ru/novosti-50/ekonomika/item/11939-vsemirnyj-bank-zajmet-kazahstanskomu-pravitelstvu-6-milliardov-dollarov>

³¹ <http://tribune.com.pk/story/782601/power-project-idb-agrees-to-fill-financing-gap-in-casa-1000-project/>

³² <http://www.worldbank.org/en/region/eca/brief/correspondence-between-the-ministry-of-economy-of-uzbekistan-and-the-world-bank-related-to-casa-1000-project>

Страна	Отрасль	Оценка рисков 2014	2013
Казахстан	Добыча нефти, Горнометаллургическая промышленность ³³	3	2
	Туркменистан	Добыча газа	5
Узбекистан	Горнорудная промышленность, хлопководство, добыча газа	5	6
Кыргызстан	Горнорудная промышленность гидроэнергетика, туризм, транзитная торговля	8	9
Таджикистан	Гидроэнергетика, хлопководство, горнорудная промышленность	9	10

В оценках сохраняется четкий разрыв между двумя хорошо обеспеченными экспортными природными ресурсами странами (Казахстан и Туркменистан) и тремя остальными странами, имеющими достаточно слабую сырьевую базу. Туркменистан также смягчает риск зависимости от нефтедобычи путем создания СП с южнокорейскими фирмами в газопереработке, то есть отрасли с более высокой добавленной стоимостью³⁴. В случае Узбекистана даже природный газ, указанный выше как один из базовых ресурсов, производится в недостаточном количестве для обеспечения как экспорта, так и собственного потребления. Солнечная энергетика, развитие которой может получить импульс от новых южнокорейских инвестиций³⁵, не уравнивает эти недостатки. Таджикистан напрямую (в Афганистан) и косвенно (через выплавку алюминия) экспортирует электроэнергию. Однако при этом самой республике не хватает электроэнергии даже на покрытие бытовых нужд населения. У Кыргызстана значительные экспортные доходы приносит только горнорудная промышленность, экспортные поставки электроэнергии запланированы в Афганистан и Пакистан в рамках совместного с Таджикистаном проекта CASA-1000. Основными источниками доходов остаются ремиссии трудовых мигрантов, начавшие сокращаться, и транзитная торговля. Также у вышеперечисленных трех стран не хватает собственных нефтепродуктов, которые завозятся из России, Казахстана и Туркменистана.

³³ Если оценивать отдельно от нефтяной отрасли, то оценка 4.

³⁴ <http://thediplomat.com/2014/07/is-turkmenistan-the-next-central-asian-tiger/>

³⁵ <http://www.eurasianet.org/node/68646>

**Степень либеральности законодательства стран Центральной Азии для инвесторов,
где 10 – минимальная либеральность**

Страна	Оценка рисков 2014	2013
Казахстан	3	3
Кыргызстан	6	6
Таджикистан	8	8
Туркменистан	9	9
Узбекистан	9	9

Все оценки остались неизменными по сравнению с 2013 годом. Новеллы законодательства, имевшие место, например, в Казахстане и Узбекистане, пока что не повлекли за собой заметных последствий.

К группе скорее либеральных стран относятся Казахстан и Кыргызстан. Таджикистан занимает промежуточную позицию, а Туркмения и Узбекистан регулируют отношения с инвесторами исключительно в «ручном режиме», причем в случае Узбекистана имеет место даже недоосвоение привлеченных средств.

Интересно, что формальное членство стран ЦА в ключевых международных организациях (например, Кыргызстан уже давно является членом ВТО) в условиях нестабильных политических институтов и слабой государственности само по себе не увеличивает защищенность бизнеса. Поэтому не удивительно, что не являющийся членом ВТО Казахстан остается традиционным лидером по приближению к международным стандартам привлекательного для внешних инвесторов законодательства. Кроме того, стоит отметить, что Казахстан вернулся к практике проведения конкурсов на освоение месторождений, улучшив формальные условия для новых иностранных инвесторов.

В противоположность Казахстану, Туркменистан и Узбекистан, очевидно, занимают изоляционистскую позицию, стараются не брать на себя международные обязательства, ограничивающие власть центрального правительства. В случае Туркменистана эта позиция принципиально связана с его нейтралитетом и желанием выгодно реализовать запасы природного газа. Ташкент, в свою очередь, реализует изоляционистскую стратегию последовательным входом и выходом из международных структур в зависимости от конъюнктурных соображений (например, из ЕврАзЭС и ОДКБ) – в целом, он полагается на развитие преимущественно двусторонних отношений.

Наши оценки хорошо коррелируют с представленными в приложении к настоящему докладу рейтингами Doing business, рейтингом экономических свобод от The Heritage Foundation и индексом глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума. В них устойчивый отрыв Казахстана от всех других государств региона и его региональное лидерство в плане либерализации экономического законодательства сохраняются.

Прозрачность и устойчивость правил игры стран Центральной Азии для инвесторов (степень прозрачности правил и реальная практика правоприменения и степень), где 10– минимальная степень прозрачности и максимальный произвол властей в правоприменении

Страна	Оценка рисков 2014	2013
Казахстан	4	4
Кыргызстан	8	8
Таджикистан	8	8
Узбекистан	9	9
Туркменистан	9	10

Изменения в оценке данного макрофактора затронули только одну страну ЦА. Отсутствие новых или продолжающихся конфликтов между государством и инвестором за прошедший год отличает Туркменистан от других соседей по региону и находит отражение в изменении нашей оценки рисков.

По сравнению с мировыми стандартами, все правительства стран региона позволяют себе крайне недружелюбные по отношению к инвесторам действия, которые иногда можно рассматривать как неожиданную национализацию, а иногда - как рейдерские захваты в интересах политически влиятельных лиц или кланов.

Из всех стран ЦА только Казахстан пока находится в стороне от крупных международных скандалов. Стоит оговориться, что и там имелись случаи определенного давления на крупных иностранных инвесторов, например, при пересмотре соглашений в ключевой нефтяной отрасли. Правда, поскольку речь шла о добровольном пересмотре соглашений в процессе переговоров - конфликты либо решались в арбитражном суде (Карачаганак), либо в ходе переговоров (Кашаган), то эта ситуация не выглядела столь вопиющей, как в других государствах региона.

Приложение №1. Существующие рейтинги стран Центральной Азии

Несмотря на весьма низкие позиции стран ЦА в различных международных рейтингах, накопление прямых иностранных инвестиций (ПИИ), привлеченных в страны Центральной Азии, в 2010-2013 гг. стабильно росло. Это во многом объясняется наличием в регионе значительных запасов природных ресурсов, а также низкой стоимостью рабочей силы. При этом **региональным лидером по инвестициям, бесспорно, является Казахстан. Он, согласно данным ООН, привлек в четыре раза больше иностранных инвестиций, чем все другие государства региона, вместе взятые.** Занимающий второе место по данному показателю Туркменистан уступает Казахстану более чем в 5 раз, а занимающий третье место Узбекистан – более чем в 13 раз. При этом оценку ООН размера прямых иностранных инвестиций в Казахстан следует считать консервативной, так как она уступает данным, имеющимся у национальных статистических структур. Вместе с тем, в то время как показатель накопленных инвестиций за 2014 г. вырос у всех стран ЦА, Казахстан и Туркменистан продемонстрировали снижение годовой величины притока инвестиций.

Данные Конференции ООН по торговле и развитию³⁶ (ЮНКТАД) по ПИИ³⁷, накопленные

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Казахстан*	85730	112458	125672	129554
Туркменистан	13441	16840	19957	23018
Кыргызстан	1698	2413	2674	3473
Узбекистан	5357,5	7009	7435	8512
Таджикистан	1164	1292	1556	1625

*- у Казахстана примерно 20-25% иностранных инвестиций представляют собой средства казахстанских бизнесменов, ранее выведенные за рубеж и затем возвращенные под юрисдикцией Нидерландов и некоторых офшоров (в целом это схоже с ситуацией в ряде других постсоветских государств).

Данные Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) по ПИИ, годовой приток

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Казахстан*	7456	13760	13785	9739
Туркменистан	3631	3399	3117	3061
Кыргызстан	438	694	293	758
Узбекистан	1628	1651	674	1077
Таджикистан	8	70	233	108

Согласно рейтингу восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International, ни одна из стран региона не является благополучной. Все страны расположены в конце списка, зачастую уступая даже государствам Африки южнее Сахары. Особенно негативно выглядит восприятие международными экспертами Туркменистана и Узбекистана, которые описываются как одни из самых коррумпированных государств мира. Даже Казахстан, выступающий в

³⁶ Источник:

http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx?sRF_ActivePath=p,5&sRF_Expanded=p,5

³⁷ Все цифры приведены в миллионах долларов США.

плане низкой коррумпированности одним из лидеров как постсоветской Центральной Азии, так и в целом среди государств СНГ, показывает определенный негативный тренд.

Интересно, что оценка коррупции, которую проводят опрошенные нами китайские эксперты, зеркальна западной и является, напротив, обратно пропорциональной степени авторитарности режима: так, Казахстан представляется респондентам из КНР более коррумпированным в плане ведения бизнеса, чем Узбекистан, а тот в свою очередь уступает по этому критерию Туркменистану. Таким образом, разногласия в оценках, связанные с особенностями восприятия экспертов разных стран, характерны не только для обсуждения проблемы взаимосвязи рисков и демократизации, но и проблемы взаимосвязи коррупции и демократизации.

Характерно, что в индексе восприятия коррупции от Amnesty International за 2014 год наихудшие позиции у Туркменистана, у Казахстана – наилучшие, причем с достаточно странной динамикой – ухудшение индекса в 2013 году и стремительное улучшение в 2014 году.

В 2014 г. НПО Trace International представила свой рейтинг коррупции (Matrix), ориентированный именно на оценку бизнес-рисков. В этом списке Казахстан уступает первое место по региону Туркменистану, причем с ощутимым отрывом. Узбекистан же занимает одно из последних мест, опережая только Йемен, Анголу и Нигерию³⁸.

Рейтинг Freedom House не считает подлинно демократическим ни одно из государств региона, а за прошедший год Казахстан потерял прошлую позитивную динамику. В рейтинге 2014 г. «частично свободным» считается уже только Кыргызстан, тогда остальные государства региона описываются как «несвободные». Таджикистан и Туркменистан вернулись в рейтинг после прошлогоднего исключения, однако в 2014 г. Узбекистан и Туркменистан попали в число десяти государств, получивших наиболее низкие баллы от Freedom House. Здесь следует добавить, что в рейтинге политических рисков Maplecroft 2014 г. Казахстан также ухудшил свой показатель вероятности смены режима из-за острого социального недовольства.

Страна	The Corruption Perceptions Index			TRACE International Matrix	Рейтинг Freedom House		
	2012	2013	2014	2014	2012	2013	2014
Казахстан	133/174	140/177	126/175	141/197	Not Free	Partly Free	Not Free
Кыргызстан	154/174	150/177	136/175	161/197	Partly Free	Partly Free	Partly Free
Таджикистан	157/174	154/177	152/175	182/197	Not Free	-	Not Free
Туркменистан	170/174	168/177	169/175	115/197	Not Free	-	Not Free
Узбекистан	170/174	168/177	166/175	194/197	Not Free	Not Free	Not Free

Хотя в международных рейтингах государственности традиционными аутсайдерами считались Кыргызстан и Таджикистан, за прошедший год они улучшили

³⁸ <http://www.traceinternational.org/trace-matrix/>

свои позиции. Узбекистан, напротив, ослабил свое положение, получив наихудший рейтинг по шкале The Fragile States Index из среднеазиатских стран. Такая оценка, впрочем, скорее характерна для западных аналитиков и не разделяется в постсоветском экспертном сообществе. Так, российский рейтинг государственности (МГИМО), напротив, считает Узбекистан и Туркменистан сильными государствами. Кыргызстан, согласно данному рейтингу, находится на грани превращения в «несостоявшееся государство». Причина разногласий заключается в различиях понимания термина «сильное государство» между российскими и западными экспертами: последние склонны считать более авторитарные режимы заведомо более нестабильными.

В приведенной ниже таблице представлены места государств в рейтингах государственности. Чем выше в западном рейтинге стоит страна, тем хуже, так как она приближается к состоянию failed state (1-ое место у Южного Судана). Российский индекс, напротив, суммирует негативные баллы, а, значит, чем ниже итоговое место среди всех 192 стран, вошедших в выборку, тем ситуация с государственностью хуже.

Страна	The Fragile States Index ³⁹			Индекс государственности «Политического атласа МГИМО» ⁴⁰
	2012	2013	2014	
Казахстан	107/177	109/178	111/178	111/192
Кыргызстан	41/177	48/178	58/178	191/192
Таджикистан	46/177	51/178	55/178	172/192
Туркменистан	81/177	81/178	74/178	87/192
Узбекистан	39/177	44/178	48/178	94/192

В рейтинге Doing business⁴¹ сохраняется безусловное региональное лидерство Казахстана, несмотря на снижение его позиций на 28 пунктов в 2014 г. Необходимо также отметить, что в 2014 г. изменилась методика подсчета рейтинга DB, что скорректировало позиции всех стран ЦА, рассматриваемых в индексе, но затрудняет прямое сопоставление показателей по годам. Киргизия также смотрится выгодно по сравнению с другими государствами региона. Результат Узбекистана заметно улучшился по сравнению с прошлым годом. Туркменистан не представлен вовсе. По показателю международной торговли – составной части рейтинга – центральноазиатские государства заняли места в последней семерке наряду с Афганистаном, Центральноафриканской Республикой и Южным Суданом. С одной стороны, такое положение стран, не имеющих выхода к морю, обусловлено спецификой методологии подсчета показателя, ориентирующейся на морские экспортно-импортные операции. Тем не менее, нахождение Казахстана по этому же показателю на 185-й ступени является скорее консервативной оценкой, учитывая его большую интегрированность в мировую экономику и более слабый валютный контроль по сравнению с соседями по региону.

³⁹ <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014>

⁴⁰ http://mgimo.ru/files2/y04_2011/186294/politatlas.pdf

⁴¹ <http://www.doingbusiness.org/rankings>

Страна	Doing business		
	2012	2013	2014
Казахстан	47/183	49/185	77/189
Кыргызстан	70/183	70/185	102/189
Таджикистан	147/183	141/185	166/189
Туркменистан	-	-	-
Узбекистан	166/183	154/185	141/189

Еще один авторитетный индекс – Index of Economic Freedom⁴² от Heritage Foundation – дает сходные результаты.

Страна	Index of Economic Freedom		
	2012	2013	2014
Казахстан	65/179	68/177	67/178
Кыргызстан	88/179	89/177	85/178
Таджикистан	129/179	131/177	139/178
Туркменистан	168/179	169/177	171/178
Узбекистан	164/179	162/177	163/178

Наконец, ежегодный индекс глобальной конкурентоспособности от Всемирного экономического форума (ВЭФ) оценивает позиции 144 национальных экономик на основе двенадцати критериев – драйверов производительности и успешности. Под конкурентоспособностью индекс подразумевает набор институтов, политических курсов и факторов, определяющий степень производительности конкретной страны. Из государств Центральной Азии в рейтинге не представлены Туркменистан и Узбекистан: как правило, причиной отсутствия является качество статистики. Казахстан стабильно держится в середине первой сотни, Кыргызстан и Таджикистан за последние годы постепенно улучшали аутсайдерские позиции. Отдельно стоит отметить внерегиональные показатели торговли стран ЦА с учетом индекса Doing Business. Притом, что внутрирегиональная торговля имеет солидный потенциал, а международная в силу географического положения затруднена, большинство экспорта стран региона все равно идет за его пределы (95% в случае Туркменистана, 95% - Казахстана, 93% - Таджикистана и 77% - Узбекистана)⁴³.

Страна	The Global Competitiveness Index Всемирный экономический форум		
	2012	2013	2014
Казахстан	51/148	50/148	50/144
Кыргызстан	127/148	121/148	108/144
Таджикистан	100/148	-	91/144
Туркменистан	-	-	-
Узбекистан	-	-	-

⁴² <http://www.heritage.org/index/>

⁴³ http://www3.weforum.org/docs/WEF_Scenarios_SouthCaucasusCentralAsia_Report_2014.pdf

Авторский коллектив

Руководитель проекта — Евгений Минченко, президент коммуникационного холдинга «Minchenko consulting», генеральный директор Международного института политической экспертизы (МИПЭ);

Андрей Казанцев, доктор полит. наук, директор Аналитического центра ИМИ МГИМО (У) МИД России;

Кирилл Петров, кандидат политических наук, руководитель аналитического департамента коммуникационного холдинга «Minchenko consulting»

Николай Мурашкин, аспирант, исследователь Кембриджского Центральноазиатского форума.

**Коммуникационный холдинг
«Минченко Консалтинг»**

О холдинге «Минченко консалтинг»

На рынке консалтинга с 1993 года.

Основные направления исследовательской активности:

- Изучение международной практики проведения политических и лоббистских кампаний;
- Изучение политических и экономических процессов на постсоветском пространстве;
- Мониторинг деятельности элит в России и странах СНГ;
- Изучение проблем энергетической и военно-политической безопасности в Евразии;
- Подготовка эксклюзивной аналитики для органов государственной власти и бизнес-структур.

Исследовательские проекты

Постоянные мониторинговые проекты

- Мониторинг региональных выборов в РФ (с 1996 года);
- Рейтинг политической выживаемости губернаторов в РФ (совместно с Центром Политической Конъюнктуры России, затем с фондом «Петербургская политика») (с 2007 года);
  - «Политбюро 2.0» - анализ элитных групп в Российской Федерации (с 2012 года);
  - Оценка политических рисков для зарубежных инвесторов в постсоветских странах: сравнительный анализ (с 2013 года).

2015 год

- Промежуточные выборы в Конгресс и перспективы выборов Президента США: технологический аспект;
- Выборы в парламент Великобритании: новые тенденции в политических технологиях;
- Оценка политических рисков для зарубежных инвесторов в странах Кавказского региона: сравнительный анализ;
- Лоббистская борьба на фармацевтическом рынке РФ (закрытое исследование);
- Лоббистская борьба по теме пригородных железнодорожных перевозок в РФ (закрытое исследование).

2014 год

- «Политбюро 2.0» и посткрымская Россия;

- Технологические аспекты выборов в Европейский парламент-2014;
- Мониторинг выборов губернаторов в РФ;
- Лоббистская борьба в автомобильной отрасли РФ (закрытое исследование);
- Украинская революция: анализ первого этапа и перспектив развития.

2013 год

- «Политбюро 2.0» накануне перезагрузки элитных групп;
- Политические стратегии российских губернаторов-новичков, назначенных на свои посты в конце 2011-2012 гг.;
- Инвестиционный потенциал Узбекистана: анализ политических рисков;
- Год Правительства Дмитрия Медведева: итоги и перспективы;
- Выборы мэра Москвы: сценарное программирование кампании и управление репутацией кандидатов;
- Политические стратегии кандидатов в губернаторы в РФ – 2013;
- Оценка политических рисков для зарубежных инвесторов в странах Центральной Азии: сравнительный анализ.

2012 год

- Система выборов президента: российский и зарубежный опыт;
- Выборы президента Франции: анализ политических технологий;
- Выборы президента США: анализ политических технологий;
- Президентские выборы в Туркменистане: политические и экономические риски второго срока Гурбангулы Бердымухамедова;
- Инвестиционный потенциал Туркменистана: анализ политических рисков;
- Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0.»

2011 год

- Социальная инженерия для модернизации России (на примере исследования настроений жителей моногородов);
- Посткризисная ситуация в моногородах: проблемы и пути решения.

2010 год

- 5 лет системе назначения глав регионов в РФ. Пора возвращаться к прямым выборам!;
- Президентские выборы в Польше 2010. Основные кандидаты, тактика;
- Предвыборная ситуация в Кыргызстане;
- Будущее проекта «Южный поток»;
- Индекс политического влияния глав 100 крупнейших городов России (совместно с фондом «Петербургская политика»);
- Парламентские выборы в Молдавии 2010: анализ политических технологий.

2009 год

- Геополитический лоббизм вокруг расширения НАТО на Восток (2009);
- Мониторинг выборов в Европарламент (2009);
- Имиджи России и США накануне «перезагрузки» отношений (2009);
- Алгоритмы разрешения проблемных ситуаций в российских моногородах;
- Внешние влияния на выборы президента Украины-2010;
- Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии: год спустя;
- Мониторинг лоббистской борьбы вокруг принятия закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»;
- Экономическая ситуация в Белоруссии и направления геополитического лоббизма команды Лукашенко;
- Лоббизм в России и группы влияния: что изменилось за год работы тандема Путин-Медведев;
- Новая архитектура европейской безопасности и перспективы председательства Казахстана в ОБСЕ.

2008 год

- Конфликт в Южной Осетии: геополитические и имиджевые последствия для России (2008).

2007 год

- Рейтинг политической выживаемости губернаторов в РФ (совместно с Центром Политической Конъюнктуры России и фондом «Петербургская политика») (2007-2015).
- Группы влияния и технологии лоббизма в Украине (совместно с Киевским Институтом проблем управления им. Горшенина);
- Энергетический потенциал Украины (совместно с фондом «Свободная Европа», United Communications, центр «София»);
- ЕЭП-лоббизм. Группы влияния и лоббистские технологии в России, Украине, Белоруссии, Казахстане: сопоставительный анализ;
- Лоббизм иностранных корпораций в Туркменистане;
- Сценарии передачи власти в странах Центральной Азии и Казахстане: опыт и перспективы;
- Евразийская энергетическая стратегия России: приоритеты и технологии реализации.

2006 год

- Оптимизация административно-территориального деления Российской Федерации: первые результаты и дальнейшие шаги;
- Отношение избирателей и экспертного сообщества Украины к перспективам вступления в НАТО (совместно с Центром социальных технологий «София»),

- Центром исследований армии, конверсии и разоружения).

2005 год

- Универсальные избирательные технологии и страновая специфика: опыт российских политических консультантов;
- Как стать и остаться губернатором-2. Технологии лоббирования кандидатов на пост главы региона в Российской Федерации (2005-2009);
- Мониторинг выборов в Верховную Раду Украины (2005-2006, 2007).

2004 год

- Президент-2004. Сравнительный анализ избирательных технологий на выборах президентов России, Украины и США;
- Психологические портреты кандидатов в президенты Украины;
- Мониторинг выборов в Законодательные собрания Российской Федерации: технологии продвижения партийных брендов (2004-2007).